

ТАКОЙ ВОТ У НИХ «ГОРОДОК»

Достаточно любопытно разговаривать с людьми, которые родились в один день, пусть и с десятилетней разницей. Еще более интересно, что эти люди были первыми, кто додумался сделать из обычных анекдотов специальную программку, позднее расширившуюся до ныне известного всем «Городка». А что еще можно сказать об Илье Олейникове и Юрии Стоянове? Пожалуй, только то, что Илья старше, выше и тоньше Юрия, а потому уместно начать разговор именно с него.

— Вас не смущает, что иногда про вас говорят: дескать, вы повторяетесь, шутки становятся все менее смешные.
— Я думаю, у всех бывают взлеты и падения, но глобального кризиса я пока не ощущаю.
— А вообще-то дорого стоит один «Городок»?
— Ну а что сегодня дешево?!
— Ну а что к тому, откуда ОНИ?
— Так сказать, денюжки? Я, конечно, напомним, кто не в курсе: эта передача покупается Российским телевидением — за определенную сумму...
— Как принято сейчас говорить, сумма зная?
— Естественно... Но все-таки хочется, чтобы программа и прибыль какую-то приносила.
— Так вы же сказали, что она уже сейчас делает это.

— Ну, приносит прибыль. Но небольшую. А иногда хочется кушать.
— А денег от «Городка» на еду не хватает?
— Нет, на еду-то хватает. Но надо помнить, что программу делает группа людей...
— Кто же?
— Как это ни удивительно, это я с Юрием...
— Странно: сразу как-то и не догадался...
— Ну, еще есть совершенно фантастический оператор, который знает, как снимать наши удивительные лица: у нас специфические лица, очень...
— Чем же они специфические?
— Ну, хотя бы тем, что и Стоянов, и я очень похожи на себя. А для телезрителей это, как вы, вероятно, догадываетесь, очень важно — чтоб оператор не перепутает.

стал Стоянова со мной, а меня со Стояновым.
— Однако у меня складывается впечатление, что удастся ему это не так уж и часто. Видимо, именно поэтому вы и усы не сбриваете — для облегчения его нелегких трудов... А вы вообще когда-нибудь пробовали их сбривать?
— Вы знаете, когда родился — пробовал...
— Странное дело: если бы мне это сказали не вы лично, а кто-нибудь из знакомых, я бы ни в жисть не поверил. Неужели же вы до семнадцати и программу «Городок» пробовали не снимать?
— Да что там «Городок»: до этого возраста я женщину-то ни одну не познакомил.
— И вкус вина был для вас тайной?
— С этим попросе. Я родился в Молдавии, жил в Кишиневе, и единственное, с чем я успел познакомиться в младенчестве, был вкус вина: мой папа никогда не был алкоголиком, он просто любил вкусно

поить и выпить два-три стакана хорошего сухого. Лет с пяти мне наливали грамм по сто... Потом я стал сам себе наливать, и делал это достаточно успешно, пока не стала играть пенью. И тогда я вынужден был перейти с красного молдавского на белую русскую...
Возможно, это единственное, что хоть в какой-то мере роднит Илью Олейникова и Юрия Стоянова. Последний рос в болгарской семье, где вино подавали на стол вместо воды. Сейчас уверяет, что запах сухого вина из бочек просто ненавидит, а впечатление от того, как люди пьют, потом идут в кусты блевать, чтобы освободиться от него, а потом опять возвращаются за стол и снова пьют, с детства привило отращивание к вину как таковому. В отличие от Олейникова, крепко принял не один, а целых два раза в жизни. Последний — перед выпускным вечером: тогда Стоянову было так плохо, что единственное, что они с другом могли делать, так это лежать на кровати и «застать». Когда вошла мама приятеля, пожившая еврейская учительница, и сказала ему: «Лежик, что ты спишь?», — тот ответил ей: «Мама, пошла ты на х...». «Господи, — воскликнула та, — он послал меня на х... Он же даже не знает, что это такое!»
— Сейчас, кстати, многие бросают пить. Вы пока не собираетесь похитить их более-менее стройные ряды?
— Бросать надо алкашам. Я считаю, что сто грамм водки вечером, после тяжелого трудового дня, выпитые с чувством, толком, расстановкой и уверенностью, что это правильный поступок, никогда не помешают...
Раздается дикий топот, дверь распахивается, и в комнату вбегает Стоянов, с трудом удерживающий обеими руками по-

док, на конце которого мечется огромная собака. Стоянов орет: «Фас! Фас!» Обомлевший Олейников, округлив глаза, повторяет только одно: «Ты сошел с ума!» Стоянов успокаивается ровно на минуту, в течение которой доброе животное демонстрирует присутствующим великолепные голосовые связки и умение высовывать язык не меньше чем на полметра. После чего Стоянов начинает истошно вопить, указывая псу на своего коллегу: «Das ist Oleynikoff! Das ist Oleynikoff!» Истина явно оживляется, рвется с поводка и вообще всем своим видом показывает, что господин с усами ей чем-то не симпатичен. Стоянов же, напротив, хватается за морду, видимо, намереваясь как-то пристыдить. «Скотина ты фашистская, блин!» — орет он ей в мохнатое ухо.

— Вот ведь в чем его призвание, — резюмирует Олейников, кивая в сторону убегающего Стоянова. — Возбудить собачку.
— И часто он вас собаками гравит?
— Только в присутствии посторонних: видимо, хочет поддержать имидж скандалиста.
— А в жизни это милейший, добрый человек, хотите сказать.
— Я бы не сказал, что милейший. Но мы с ним два нормальных мужика, со своими бзиком, и это хорошо: если делать передачу в полном покое, наверное, вообще ничего не получится.

А так она рождается из его плюсов и моих минусов. Или наоборот.
— Но до кулаков в моменты оценки наработанного у вас не доходит?
— Вы знаете, желание убить было. Причем обоюдное. Зато после всех этих взаимных об-

винений и прямых физических попойзновений у нас наступает такой катарсис...

— Вероятно, вы сразу же переходите к лобызаниям?
— Ну, не до такой степени... После тяжелого скандала мы обычно садимся с ним, берем бутылку, выпиваем этакое количество и говорим: «Ну как же так? Мы ж с тобой друг без друга два абсолютных ничтожества, а вдвоем ансамбль».

Появляется Стоянов. Садится. Закуривает. Олейников же, обрадованный перспективой передышки, в спешке исчезает. — Так о чем вы здесь говорили? — интересуется Юрий.
— Знаете, все больше об усах вашего коллеги.
— А что усы? Благодаря им он не играет женщин. Понятно, что это всегда приходилось делать мне. А теперь я получаю письма...

— И что пишут, если не секрет? Радуются, предложения заманчивые делают?
— Те, кому это нравится, радуются. Но они ведь не понимают, что так сыграть женщину может только нормальный мужик: там есть нежелание сию быть, а

отношение к женщине вообще, умение подметить в ней что-то смешное, если хотите. Всех самых смешных женщин сыграли та-а-акие бабники.

— Это вы на себя намекаете?
— Нет — на других.
— Ну так и вы, насколько я могу судить, сыграли не самых грустных дам...
— К тому же не меньше сотни...
— Но все они, к сожалению, были явно балзаковского возраста.

— Ну да — они были иногда даже старше меня. Хотя иногда я и детей играл... Например в одной из последних передач многие видели меня в роли девочки-лебледи.

— Надеюсь, хоть после этого вам признаний никаких не поступало?
— Пока нет, но есть же и те, кто детьми увлекается. А вообще-то подобные вещи происходят редко. Куда смешнее было, когда представители одной газеты попросили нас сфотографироваться, но тут же оговорились, что необходимо быть с женами.

— Неужели кто-то всерьез может подумать, что у вас могут быть какие-то отношения, помимо рабочих?
— Если иногда говорят, значит, действительно могут. Но если бы это было на самом деле, мы бы не могли так смешно играть тех же «голубых». Кстати, раньше они нас ненавидели, и я даже знаю один театр, где нас называли расистами, фашистами и подонками потому, что, на их взгляд, смеяться и пародировать подобные

отношения могут только эти люди. А потом, наверное, они поняли, что лучший способ бороться с нами — сказать, что мы сами «голубенькие»...

— А что все-таки пишут?
— Например, «Здравствуйте Юра! Я гей, вы гей. С тех пор, как я увидел вас в женских ролях, я перестал спокойно жить. Я обеспеченный человек, могу предложить вам круиз». Но он просто не знал, что я тоже обеспеченный человек и могу отправить его в круиз и на более длительный срок, только чтоб не видеть.

Появляется Олейников. Первое, что говорит ему Стоянов, дословно звучало так: слушай, а чего это ты меня тут лажал целый час? Кто, я лажал? — удивляется Олейников. А то кто же?

— отвечает Стоянов, закрывая напоследок: ну я тут тебя тоже обжорнал так, что тебе мало не покажется. Олейников гордо удаляется...

— Я, признаться честно, думаю, что у вас отношения еще сложнее, а тут такая идиллия... Почти.
— Нет никакой идиллии — работа есть работа. А прелесть наших отношений в том, что дипломатии в них, с моей точки зрения, нет. Никакой. Поняли почему? Потому что компромиссов нет: если бы мы хотели мириться с какими-то вещами, мы бы могли сказать: промолчи, потому что потеряешь работу, потеряешь партнера. Да куда ж я его не потеряю, а потому могу и не молчать...

Беседовал
Макарь ТОЛСТОЗЫДОВ.
Фото Юкова ТИТОВА.

Дома у Стоянова. Святое место — рабочий кабинет с любимым столом. «Никого сюда не пускаю, — замечает Юрий. — У меня тут такой бордельер — боюсь даже ящики некоторые открывать: там, наверное, уже кто-то живет».

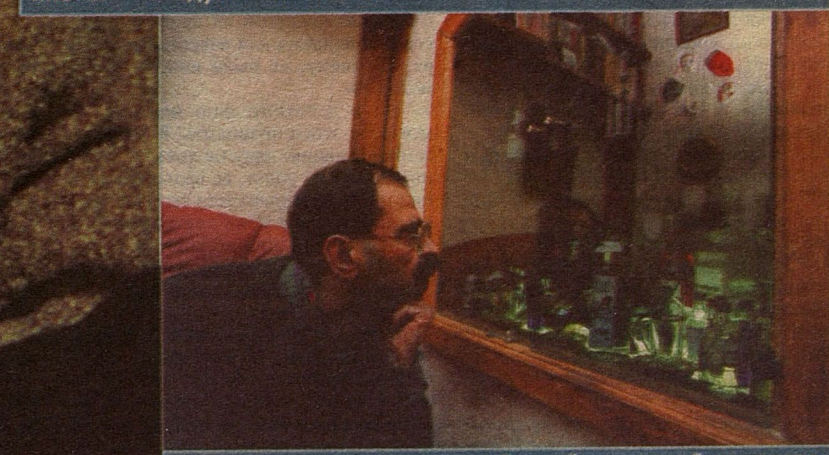
Кухня, на которой Юрий, в отличие от Ильи, только ест, иногда превращается в место ожесточенной схватки: супруга, знаете ли, все время норовит утащить со стола бутылку с любимым коньяком.

После они, правда, мирятся. Успокоившись, садятся рядышком и коротают время за просмотром любимых фильмов и телепередач.

Дома у Олейникова. Святое место — кухня, куда, по меткому замечанию Стоянова, попадаешь прямо с порога. По его же определению, для Ильи это место заменяет храм, где вместо иконы — воздухоочиститель.

Скромный закуток в уютной олейниковской квартире. Вид с мягкого дивана приходится аккурат на бар. Правда, Илья не злоупотребляет, предпочитая предаваться воспоминаниям о студенческой юности.

Комната, по идее принадлежащая сыну. В свободное от «Городка» время Илья экспериментирует с музыкальными инструментами, всерьез подумывая о записи пластинок лирических песен.